ПОРЯДОК ОГРАНИЧЕННОГО ДОСТУПА:
ПУТИ ЭВОЛЮЦИИ
*THE LIMITED ACCESS ORDER:
PATHS OF EVOLUTION*

Компромисс во имя роста: повышение доверия общества к элитам в Швеции (1930–1960-е годы)

И.Н. ВИКТОРОВ*

*ВИКТОРОВ Илья Николаевич – доктор экономической истории (PhD), исследователь кафедры истории и международных отношений Стокгольмского университета. Адрес: Department of Economic History and International Relations, Stockholm University, SE-106 91, Stockholm, Sweden. E-mail: ilja.viktorov@ekohist.su.se

В статье рассматриваются исторические предпосылки и базовые элементы элитного компромисса в Швеции в эпоху распространения и расцвета массового производства в этой стране в 1930–1960-е гг. Подчеркивается роль особого видения будущего, общества “народного дома”, сформулированного шведскими социал-демократами в 1930-е гг. Разбираются реформы, осуществленные в последующие десятилетия, которые превратили Швецию в одну из самых богатых и экономически развитых стран мира во второй половине XX в. Подвергается анализу роль основных элитных групп в этом компромиссе, включая деловые круги, руководство политических партий, организации работодателей и профсоюзов, интеллектуальную элиту. Делаются выводы об уроках элитного компромисса в Швеции для современной России. В статье выдвигается тезис о том, что переход к более справедливому и богатому обществу открытого доступа не обязательно должен сопровождаться усилением социальной мобильности в этом обществе.

Ключевые слова: элитный компромисс, элиты, Швеция, шведская социал-демократия, общество массового производства.

DOI: 10.31857/S086904990010069-7

Цитирование: Виктор И.Н. (2020) Компромисс во имя роста: повышение доверия общества к элитам в Швеции (1930–1960-е годы) // Общественные науки и современность. № 3. С. 54–71. DOI: 10.31857/S086904990010069-7

Статья подготовлена на основе материалов проекта “Нестандартные институты успешного проведения структурных изысканий (политико-экономический аспект)”, выполненного на базе АНЦЭА по заказу ЦСР в 2016–2017 гг. Его первая версия была обсуждена в рамках цикла семинаров “Социальные порядки: природа и динамика”, который проходил в ВШЭ в 2018–2019 гг.

A compromise in the name of growth: increasing public confidence in the elites in Sweden (1930s – 1960s)

*ILJA N. VIKTOROV**

***Ilja N. Viktorov** – PhD, Department of Economic History and International relations, Stockholm University. Address: Department of Economic History and International Relations, Stockholm University, SE-106 91, Stockholm, Sweden. E-mail: ilja.viktorov@ekohist.su.se

Abstract. The paper deals with historical prerequisites and basic elements of the Swedish elite compromise as it emerged in Sweden in time of the advancement and culmination of mass production in this country between the 1930s and 1960s. A special vision of the future, namely the society of “the people’s home” formulated by the Swedish social democrats in the 1930s, is under focus. The paper takes up briefly reforms introduced in subsequent decades, which transformed Sweden into one of the most affluent and economically developed nations in the world in the second half of the 20th century. It analyses the role played for the compromise by the main elite groups, including the business elites, leaders of political parties, employer organisations and trade unions, as well as by intellectual elite. The paper discusses which lessons of the Swedish experience can be of relevance for contemporary Russia. It suggests that a transition to a more justice and affluent open-access society does not necessarily entail increase in social mobility in this society, as this has been the case in Sweden.

Keywords: elite compromise, elites, Sweden, Swedish social democracy, mass-production society.

DOI: 10.31857/S086904990010069-7

Citation: Viktorov I.N. (2020) A compromise in the name of growth: increasing public confidence in the elites in Sweden (1930s – 1960s). *Obshchesyvennyye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 54–71. DOI: 10.31857/S086904990010069-7 (In Russ.).

Точка бифуркации

Базовые элементы элитного компромисса в Швеции были заложены в 1930-е гг., которые следует считать главной точкой бифуркации с позиций повышения общественного доверия к элитам. Одним из последствий Великой депрессии стал экономический спад, приведший к росту вмешательства государства в экономику. В 1932 г. к власти приходит Социал-демократическая рабочая партия Швеции (СДРПШ), остающаяся правящей вплоть до 1976 г. (уникальный случай в истории западной парламентской демократии). Получает оформление компромисс между трудом (профсоюзы) и капиталом (организации работодателей), оформленный соглашением между Объединением работодателей Швеции (ОРШ) и Центральным объединением профсоюзов Швеции (ЦОПШ) в 1938 г. Параллельно лидеры шведской социал-демократии формулируют новое привлекательное видение будущего – идею общества “народного дома”. При этом частные предприятия оставались под контролем прежних финансово-промышленных групп. В этом Швеция отличалась от многих стран Западной Европы, где левые правительства выбрали курс на национализацию ряда крупных предприятий и даже отраслей, включая британских лейбористов и французских социалистов.

В послевоенное время – эпоху расцвета массового производства в индустриально развитых странах – Швеция как страна-экспортер смогла успешно найти свою нишу. Обозначенные базовые элементы компромисса действовали вплоть до середины 1970-х гг., когда действовавший элитный компромисс был нарушен как радикальной повесткой реформ социализации ведущих шведских предприятий, выдвинутой ЦОПШ, так и ухудше-

нием экономической конъюнктуры, заставивший шведский бизнес искать другие формы взаимодействия с государством и профсоюзами.

Группы интересов

Основные группы интересов состояли из следующих игроков. Начиная со второй половины XIX в. крупный бизнес в Швеции был представлен банковско-промышленным капиталом, и на протяжении всего XX в. контроль над экономикой принадлежал ограниченному количеству семей. В центре этой сетевой структуры находилась и поныне находится банкирская династия Валленбергов. Можно отметить и другие семьи, ставшие основой крупных финансово-промышленных групп: Бонниеры, Аксельссон-Юнссоны, Сёдерберги, Брустрёмы [Koncentrationsutredningen 1971; Glete 1994; Wetterberg 2013]. Таким образом, Швеция – пример устойчивой олигархической системы, ведущей начало со второй половины XIX в. Как правило, публичную активность в политической жизни владельцы капитала не проявляли, предпочитая действовать путем неформального влияния и договоренностей с политической и управленческой элитой. Эта система в целом приобрела закрытый характер, отторгала новых акторов, бросавших вызов сложившимся интересам (вспомним краткосрочное существование бизнес-империи спичечного магната И. Крюгера) [Wikander 1980; Partnoy 2009].

Вторым важным элитным игроком стали организации бизнеса, прежде всего ОРШ, а также ряд отраслевых организаций, в особенности работодателей машиностроения. В целом они контролировались крупным бизнесом, но могли сохранять определенную свободу действий и автономию [Lundh 2002, pp. 105–106; De Geer 1992]. Взаимоотношение финансово-промышленных династий, управленческой элиты шведского бизнеса и организаций работодателей – история, в которой остается много недоговоренностей. Во многом это связано с тем, что исследования истории шведского бизнеса финансируются в первую очередь фондами, основанными и управляемыми богатейшими семьями страны. В такой ситуации при всей добросовестности научной работы фактор самоцензуры ученых присутствует, не говоря уже о том, что внутри- и межэлитные договоренности далеко не всегда фиксируются в архивных документах либо в других исторических источниках. Вывод, к которому я пришел после нескольких лет работы с архивными материалами организаций шведских работодателей, состоит в том, что владельцы бизнес-империй несомненно оказывают стратегическое влияние как на развитие предприятий, так и на политику организаций работодателей, но доказать это документально достаточно сложно [Viktorov 2006].

Третий важный игрок – главные организации, представлявшие интересы массового рабочего движения Швеции: СДРПШ и аффилированная с ней ЦОПШ [Bergström 1988]. Коммунистическая партия Швеции (КПШ), возникшая в начале 1920-х гг., также традиционно рассматривалась как часть рабочего движения, однако ее реальное влияние на политику и вес в собственно рабочем движении всегда были ограниченными.

В числе важных игроков следует отметить и несоциалистические (в политической шведской терминологии – “буржуазные”) партии. Это Крестьянский союз, отражавший интересы фермеров (позднее переименован в Партию центра), Консервативная партия, исторически – партия аристократии и землевладельцев (позднее переименована в Умеренную коалиционную) и Либеральная партия, вокруг которой объединялись либеральные реформаторы преимущественно социал-либерального толка, отражавшая интересы верхушки городского среднего класса и части интеллигенции; в рассматриваемый период она охотно шла на политические компромиссы с социал-демократами по вопросу о социальных реформах [Hadenius 2008].

Основные параметры состояния Швеции к началу 1930-х гг.

Швеция – небольшая страна и по населению, и по объему внутреннего рынка. В 1930-е гг. в ней жило всего 6,1 млн человек. Экономика была вынуждена ориентироваться на экспорт, что ставило жесткие требования повышения эффективности и конкурентоспособности шведских предприятий на мировом рынке. Особенностью страны была высокая концентрация капитала, уже отмеченная при описании банковско-промышленной олигархии. Наряду с доступом к богатым природным ресурсам (железная руда, лес, гидроресурсы Севера) этот фактор сделал возможным развитие в Швеции капиталоемкого машиностроения и предприятий — массовых производителей [Jörberg 1961; Magnusson 1999; Schön 2000; Palmer 2001]. Появление последних – коренное отличие структуры экономики Швеции XX в. от экономик Дании и Норвегии. И говорить о какой-либо единой “скандинавской” модели вряд ли обоснованно ни с точки зрения отраслевой структуры экономики и режима аккумуляции капитала, ни с точки зрения отношений на рынке труда [Elvander 2002].

Несмотря на успешное экономическое развитие, процессы индустриализации в Швеции шли достаточно болезненно. В конце XIX – начале XX вв. она столкнулась с процессами аграрного перенаселения, вызывавшими массовую эмиграцию сельского населения, в первую очередь в США. Но эмиграция стала важным каналом снятия напряженности в обществе и привела к формированию многочисленных шведских общин в Северной Америке, что заложило основу для дружественных отношений между Швецией и США. Вместе с тем, несмотря на высокие темпы экономического роста в конце XIX – начале XX вв., Швеция оставалась страной социальных контрастов с высокой долей бедности: плоды экономического роста не были автоматически гарантированы для всех. Отношение общества и власти к беднейшим слоям населения было достаточно жестким [Holmlund 2013].

В том же, что касается политики и государственного управления, Швеции присуща протестантская (лютеранская) культурная традиция, которая создала исторические предпосылки для формирования рациональной политической системы и сильной этики предпринимательства, сходные с другими протестантскими странами, описанными М. Вебером. Традиционно шведская историография возводит возникновение профессиональной независимой бюрократии как автономной от политической власти ко времени канцлера А. Оксеншерны (1612–1645). В реальности переход от патримониальных методов управления и сопутствующих ему явлений, включая коррупцию, узаконенное взяточничество, засилье знатных семейств и кумовство при найме госслужащих, к современному типу бюрократии, основанному на принципах меритократии и рационализма, произошел гораздо позже, во второй половине XIX в. Таким образом, трансформация Швеции от общества с ограниченным доступом к обществу открытого доступа (по Д. Норт) с введением всеобщих безличных законов и универсальных правил функционирования государственного управления происходила одновременно с большинством остальных протестантских стран Запада. В плане повышения качества институтов переломный момент наступил в 1840–1870-е гг. [Rothstein 1998; Rothstein 2011; Sundell 2013]. Именно тогда были проведены такие системообразующие реформы, как всеобщее обязательное начальное образование и институт школьных инспекторов; отмена права правительства на конфискацию тиража газет; отмена формальных привилегий аристократии при занятии ведущих государственных должностей; равенство в правах наследования для мужчин и женщин; отмена системы гильдий; закон об акционерных обществах; оплата труда в государственном управлении, направленная на реформирование вознаграждения работы госслужащих в традициях рациональной бюрократии; свобода вероисповедания; законы о местном самоуправлении на уровне муниципалитетов

и регионов; принятие нового уголовного кодекса, содержащего закон о злоупотреблении служебным положением на государственной службе, а также новый закон об университетах, установивший более высокие стандарты присуждения университетских дипломов; введение свободы торговли; проведение парламентской реформы (четырехпалатный сословный парламент преобразован в классический двухпалатный парламент); принятие парламентских решений об упразднении индивидуальных выплат, вносимых населением конкретным чиновникам за оказание госуслуг (подобные выплаты идут отныне только в государственную казну и не присваиваются отдельными чиновниками), и уплате налогов только в денежном, а не в натуральном выражении; введение принципа единоначалия и иерархической системы организации бюрократии взамен прежних коллегий; упразднение практики “системы аккордов”, то есть уступки госслужащими своих должностей в обмен на вознаграждение, выплачиваемое отставникам их сменщиками, и введение высокой, зависимой от уровня предыдущей зарплаты, пенсии для госслужащих.

Эти системные реформы шли бок о бок с процессом индустриализации, развитием капитализма и современной рыночной экономики. Союз либеральных реформаторов, составлявших цвет шведского чиновничества и находившихся в родстве со знатными семьями, и верхушки шведского бизнеса стал главным “мотором” реформ [Ohlsson 2007; Wetterberg 2013]. Королевская власть постепенно теряла реальные возможности влиять на политический процесс. Окончательное торжество принципа парламентаризма произошло в 1918 г., а в 1921 г. было введено всеобщее избирательное право.

Новейшие исследования показали, что реформы второй половины XIX в. не встретили сопротивления знати, поскольку на практике ее позиции не были ущемлены. При меритократическом принципе найма госслужащих приоритет отдавался наиболее образованным и компетентным кандидатам. Знатные и богатые семейства продолжали оставаться главными поставщиками таких кадров, поскольку образование само по себе стоило немалых денег. Кроме того, увеличивающаяся потребность экономики в квалифицированных бюрократах, в особенности с инженерно-технической компетенцией, создала условия для размытия ядра элиты госуправления и облегчила набор на должности чиновников представителей незнатных семей. Однако вплоть до середины 1950-х гг. удельный вес представителей знатных семейств в верхушке государственного управления был выше, чем незнатных, хотя формальное применение меритократического принципа набора на госслужбу в целом соблюдалось [Sundell 2014].

Немаловажна была и приверженность принципу нейтралитета. После наполеоновских войн страна не воевала, что значительно сократило расходы на оборону и привело к снижению влияния военных и связанной с ними аристократии в элитном раскладе страны. Вместе с тем в Швеции сохранилась преемственность элит: аристократия потеряла контроль над политической властью, но уже через родственные связи или связи с крупным бизнесом сохранила неформальное влияние. Сохранилось и присутствие представителей аристократии в составе управленческой, политической, военной и интеллектуальной элиты. Революции в стране так и не произошло.

Вместе с крупным бизнесом аристократия сформировала высший класс (*överklassen*) – общепринятое и в современной Швеции понятие [Kullenberg 2009; Ericson 2010]. Для него всегда были характерны определенные концентрированные районы проживания с особым стилем жизни, обособленными летними местами отдыха и собственными диалектами, четко выраженными в границах даже одного города. “Инкубатором” будущей бизнес-элиты Швеции стала (и остается до сих пор) Стокгольмская высшая школа экономики, имеющая эксклюзивный статус не столько благодаря качеству образования, сколько по факту преобладания в ней отпрысков богатых семей. Студенты этого вуза автоматически получают конкурентное преимущество, приобретая полезные для дальнейших карьерных перспектив контакты [Holmqvist 2018]. Аристократические семейства во многом

до сих пор продолжают сохранять контроль над дипломатическим корпусом страны, состав которого ограничен неформальными социальными барьерами. В XX в. они все еще служили поставщиками кадров и для руководства несоциалистических партий. Из представителей аристократических и богатейших бизнес-семейств частично формировалась даже элита рабочего движения, включая первого председателя и премьер-министра Швеции от СДРПШ Я. Брантинга и У. Пальме.

Шведское рабочее движение в центре элитного компромисса 1930-х гг.

СДРПШ была подлинно массовой партией, так как исторически рабочее движение Швеции выросло из так называемых “народных движений” второй половины XIX в. Электоральный успех партии во многом зависел от ее реформистской позиции и фактического отказа от национализации частной собственности, включая промышленные предприятия. Далеко не все избиратели СДРПШ были убежденными марксистами; в первую очередь их привлекали социальная риторика партии и призывы к борьбе с бедностью. В идеологии лидеры социал-демократии делали упор на перераспределение ресурсов через рост общественного сектора. Экономический рост и ориентация на повышение конкурентоспособности промышленности страны в такой трактовке воспринимались как основа растущего “общественного пирога” [Karleby 1926; Gidlund 1988; Tilton 1990; Hansson 1997].

В 1928 г. лидер СДРПШ П.-А. Ханссон выдвигает концепцию “народного дома” (*folkhemmet*), суть которой — в “разрушении всех социальных и экономических изъёмов, разделяющих граждан на привилегированных и подчиненных, на богатых и бедных, грабителей и ограбленных” [Berkling 1982]. В реальности это была попытка лидеров социал-демократии сформулировать для масс привлекательное видение будущего. Она оказалась успешной. Начиная с 1932 г. партия стала регулярно получать более 40% голосов на выборах и приступила к формированию собственного правительства, иногда в коалиции с Крестьянским союзом, временами как социал-демократическое правительство меньшинства.

Параллельно шла более глубокая интеллектуальная проработка социал-демократического проекта социального государства. Непосредственно в правительстве этим занимался видный теоретик и министр финансов (1932–1949) Э. Вигфорс, выступавший за усиление государственного регулирования экономики в духе “Нового курса” и кейнсианства. Именно Вигфорс, а не Стокгольмская школа (о которой ниже) предвосхитил идеи Дж. Кейнса за много лет до выхода “Общей теории занятости, процента и денег” [Lindblom 1977; Kragh 2014]. Г. Мёллер – министр социальной политики (1932–1951) стал идеологом государства благосостояния [Tilton 1990]. Особую роль в формулировании социал-демократической повестки играли экономисты, аффилированные с партией. В первую очередь это супруги Г. и А. Мюрдаль, проявлявшие высокую активность в общественных дебатах. Их получившая большой общественный резонанс книга “Кризис народонаселения” [Myrdal, Myrdal 1934] выдвинула демографический кризис как аргумент в пользу расширения расходов государства на социальные нужды и поддержку семьи.

Шведским интеллектуалам удалось популяризировать свои идеи под лозунгами – “Швеция как социальная лаборатория” и “Швеция – средний путь” среди деятелей “Нового курса” в США. И шведские “социальные инженеры”, включая супругов Мюрдаль, получили достаточно щедрое финансирование от рокфеллеровских фондов. Были установлены интенсивные контакты с американскими университетами, где ряд шведских экономистов работали продолжительное время [Marklund 2009].

Вторая ветвь рабочего движения, представленная Центральным объединением профсоюзов Швеции (ЦОПШ), защищала интересы промышленных рабочих, среди которых сложились исключительно сильное национальное профсоюзное объединение “синих во-

ротничков” и сильные отраслевые профобъединения, особенно рабочих-металлистов машиностроения. Взносы ЦОПШ составляли также основу финансового благополучия СДРПШ [Korpi 1978].

Следующая важная политическая сила компромисса – партия Крестьянский союз, вошедшая в правительственную коалицию с СДРПШ в 1936–1945 и в 1951–1957 гг. Эта партия представляла интересы хозяйственного уклада, чей относительный вес в экономике и населении страны в ходе индустриализации неуклонно снижался. Поддержка социал-демократической политики со стороны Крестьянского союза осуществлялась в обмен на субсидии сельскому хозяйству и фермерам [Hadenius 2008].

Либеральная партия находилась в оппозиции к социал-демократам, но на практике также приняла участие в выработке новых идей в области экономической и социальной политики. Здесь следует отметить роль экономиста Б. Улина, видного деятеля леволиберальной фаланги партии и ее лидера в 1944–1967 гг. Он был видным представителем Стокгольмской школы, принадлежал узкому кругу интеллектуалов, куда входили и супруги Мюрдаль, и будущий генеральный секретарь ООН Д. Хаммаршёльд. Между интеллектуалами различной идеологической направленности шел интенсивный обмен идеями, поддерживаемый интенсивными научными контактами с США и Великобританией. Так, Улин имел личные контакты с Кейнсом [Larsson 1998; Kragh 2014].

В то же время радикальные силы справа и слева были исключены из общественного компромисса. Нацистские и праворадикальные партии в парламенте представлены не были, ибо население не голосовало за них. Ключевую позицию здесь сыграла также позиция бизнеса, который, как и в Великобритании, в большинстве не оказывал финансовую поддержку подобным организациям. Несколько по-иному обстояла ситуация на левом фланге, где компартия (КПШ) нашла свою нишу. С 1930-х и вплоть до 1980-х гг. она регулярно была представлена в парламенте и балансировала на грани проходного барьера. За это КПШ получила прозвище “товарищ 4 процента”. На практике она стабильно выступала одной из опор социал-демократических правительств меньшинства, голосуя за социальные реформы, которые не могли найти отклика у несоциалистических партий, но никогда не входила в правительственные коалиции и какое-либо формализованное сотрудничество с СДРПШ [Holmberg 1982/83]. Вместе с тем сама возможность для СДРПШ формировать социал-демократические правительства меньшинства зависела от нейтралитета коммунистов. Согласно правилам голосования в риксдаге решение считалось принятым, если за него не проголосовало более половины от списочного состава депутатов. СДРПШ активно пользовалась этим правилом для проведения собственной политики.

Следует отметить, что в 1930-е – первой половине 1940-х гг. в Швеции сложилась сложная ситуация и обозначенный общественный компромисс складывался непросто. В условиях Второй мировой войны развитие могло пойти по-иному. В аристократических кругах имелись сильные симпатии к нацизму, разделявшиеся частью бизнеса и консервативной интеллектуальной элитой [Löföw 1990]. Ведь с Германией существовали давние исторические и экономические связи. Потому и в шведской истории того времени можно найти немало неприглядных эпизодов. В годы войны существовала и постоянная реальная угроза оккупации страны Германией. Швеция *de facto* стала участником экономического разделения труда в рамках гитлеровской “единой Европы”, поставляя рейху необходимую ему железную руду. Подобно другим западноевропейским государствам, Швеция прошла по краю бездны, но, в отличие от континентальной Европы, в итоге смогла удержаться от сползания в хаос. Благоразумная позиция большинства шведской элиты сыграла свою роль в этом исходе. С конца Второй мировой войны начался кардинальный разворот Швеции в сторону западных союзников, происходит осознанная и целенаправленная переориентация элит на англосаксонский мир. Так, английский язык был введен вместо немецкого как обязательный иностранный язык в школе.

Система формирования заработной платы в Швеции в эпоху массового производства как экономическая основа элитного компромисса

Почему столь важен вопрос формирования заработной платы с точки зрения его влияния на эффективность и действенность элитного компромисса в масштабах всей страны? Здесь необходимо отметить три момента. Во-первых, нормально функционирующие производственные отношения и удовлетворенность наемных работников как условиями труда, так и его оплатой сводят к минимуму уровень конфликтов на производстве и повышают производительность труда, что способствует экономическому росту. В случае Швеции, экономика которой была ориентирована на экспорт, это также благоприятно сказывается на конкурентоспособности на внешних рынках [Swenson 2002]. Во-вторых, функционирующая система формирования заработной платы в эпоху второй промышленной революции и массового производства – важный инструмент макроэкономической политики в плане стабилизации совокупного спроса и предложения на внутреннем рынке и контроля над уровнем издержек на рабочую силу. Последнее критично как для отраслей, ориентированных на экспорт, так и для общества в целом с точки зрения обуздания инфляции.

В-третьих, система формирования заработной платы с включением профсоюзов и организаций работодателей в этот процесс – один из важнейших каналов вовлечения широких слоев населения в институциональные рамки уже достигнутого межэлитного компромисса в верхах. Она усиливает новую подгруппу элиты – профсоюзную верхушку, призванную отстаивать права трудящихся, хотя и не всегда этим занимающуюся, и создает новые институциональные решения, в ходе которых становится возможным диалог на регулярной основе между представителями наемных работников и предпринимательской элитой страны. Невмешательство государства в этот процесс, возможность для профсоюзов и работодателей самостоятельно находить компромиссы рассматриваются в литературе как важнейший элемент шведской модели индустриальных отношений, ее уникальность с точки зрения создания благоприятной институциональной среды для взаимодействия групп интересов и повышения уровня общественного доверия [Nycander 2002; Rothstein 2003].

ЦОПШ как сильное национальное профсоюзное объединение возникло в ходе второй промышленной революции. Не последнюю роль в этом сыграло давление могущественного Объединения работодателей Швеции (ОРШ), в особенности отраслевого Союза машиностроителей. Исторические исследования отношений на рынке труда первой половины XX в., основанные на архивных изысканиях, показали, что работодатели были крайне заинтересованы в централизации профсоюзного движения и его внутренней дисциплине. Для шведских работодателей уже в первой половине XX в. было важно заставить профсоюзы принять принцип централизованных коллективных переговоров сначала на отраслевом, а затем и на национальном уровне [Kjellberg 2000; Swenson 2002]. Процесс централизации формирования заработной платы в Швеции занял несколько десятилетий, и работодатели выступили его главными инициаторами. Важным этапом стало знаменитое Сальтшёбаденское соглашение между ОРШ и ЦОПШ, в 1938 г. институционально оформившее правила ведения коллективных переговоров и разрешения трудовых конфликтов и символизировавшее начало эпохи “мира на производстве” и основы централизованной модели переговоров о заработной плате. Это стало основой “духа взаимопонимания” между партнерами на рынке труда – исходного пункта шведской модели индустриальных отношений [Lundh 2002; Swenson 2009].

Однако время коллективных договоров между двумя организациями на национальном уровне пришло уже после Второй мировой войны, в середине 1950-х гг. [Kjellberg 2000; Johansson, Magnusson 1998]. Процесс централизации системы коллективных переговоров был долгим и шел параллельно с утверждением массового производства в Швеции с начала XX в. Главным оружием шведских работодателей стали массовые локауты, цель которых

состояла в истощении профсоюзных страховых фондов. Конфликты на производстве в ходе локаутов были неизбежны. Самый известный из них – расстрел рабочих в Одалене 1931 г.

В связи с этим встает важный вопрос: почему шведские работодатели были заинтересованы в централизованной системе коллективных переговоров, сильной организации профсоюзов и выравнивании размера заработной платы между отраслями, предприятиями и различными группами рабочих? Ответ следует искать в положении шведского промышленного сектора на мировом и внутреннем рынках. Небольшая страна была подвержена жесткой конкуренции со стороны американских и европейских предприятий и была вынуждена бороться с ними за долю на одних и тех же рынках. Особенно актуально это было для шведского машиностроения. Крупнейшие работодатели Швеции должны были снизить издержки на заработную плату и тем самым установить ее уровень ниже того, который бы возник в условиях нерегулируемого рынка. Это и является главным объяснением инициатив шведских работодателей в деле создания системы коллективных переговоров. Логика тут была следующей. Экономика растет, ей требуются рабочие руки. Как следствие, происходит конкуренция между работодателями за рабочих. Много платить работодателям не могут – происходит удорожание продукции и потеря позиций на мировых рынках. Мало платить также невозможно: рабочие либо сопротивлялись и бастовали, либо уезжали из страны, преимущественно в США. Поэтому шведским работодателям нужен был сильный партнер – профсоюзные объединения промышленных рабочих. При этом необходимо было подавить социалистические амбиции рабочего движения и сохранить за менеджментом полный контроль над производственным процессом [Swenson 2002; Lundh 2009].

Второй важной причиной, которая была тесно связана с централизацией процесса коллективных переговоров, была необходимость снижения уровня конфликтов на производстве. Вопрос этот был далеко не праздным для работодателей, которые терпели из-за конфликтов значительные убытки. В первые десятилетия XX в. Швеция была страной с наивысшим уровнем забастовочного движения в сравнении с другими индустриально развитыми странами Запада [Shorter, Tilly 1974]. Результат переговоров может быть проиллюстрирован динамикой количества забастовок в Швеции. Первый пик забастовок был в начале XX в., затем – после Первой мировой войны, когда число забастовок достигло максимума в 1920 г. С начала 1920-х гг. забастовочная активность постепенно снижается, и после прихода социал-демократов к власти в 1932 г. она становится минимальной. Это происходит до подписания договора в Сальтшёбадене между ОРШ и ЦОПШ в 1938 г. В чем же был секрет столь быстрого, эффективного и, главное, долгосрочного, вплоть до 1970-х гг., снижения забастовочного движения?

Новейшие количественные исследования [Enflo, Karlsson, Molinder 2019] показали, что существовало два главных фактора, сыгравших важную роль в снижении забастовочного движения. Сравнительный анализ забастовочной активности в шведских регионах обнаружил сильную взаимосвязь между электрификацией городов и предприятий и увеличением количества забастовок. Индустриализация в ходе второй промышленной революции привела к росту эффективности производства, повышению прибылей предпринимателей и параллельно способствовала росту членства в профсоюзах. Наемные работники получили возможность выдвигать и отстаивать требования относительно увеличения своей доли в растущих прибылях компаний, используя забастовку как важный рычаг для достижения этой цели.

Вопрос о заработной плате был главной причиной забастовок. Вторая промышленная революция и связанные с ней изменения в технологии и организации производства привели к историческому сдвигу в составе рабочей силы — к росту доли малоквалифицированных промышленных рабочих за счет малоквалифицированной рабочей силы, занятой ранее дисперсно на малых предприятиях в сельском хозяйстве и в секторе домашних услуг. Те же самые процессы (концентрация малоквалифицированной рабочей силы

на промышленных предприятиях) и стали главной социальной базой растущего рабочего движения и электоральных успехов СДРПШ.

Сравнительный анализ забастовочной активности в муниципалитетах в 1920-х – 1930-х гг. показал снижение этой активности в тех местах, где к власти приходили представители СДРПШ, но только при условии наличия в данных муниципалитетах сильных профсоюзов. Нахождение социал-демократов у власти не привело в то время к увеличению ассигнований на социальные нужды и проведению каких-либо серьезных реформ в этой области. В целом социальные расходы оставались на том же уровне, что и в муниципалитетах, которые контролировали буржуазные партии. Этот факт можно трактовать как превращение социал-демократов в “служу капитала”, что отчасти соответствует критике их политики со стороны коммунистов. Но анализировать эти процессы надо, помня историческую заслугу социал-демократов по улучшению условий жизни широких слоев населения уже в послевоенный период и созданию институциональных предпосылок для ведения диалога и поиска взаимного компромисса между представителями профсоюзов и работодателями на местах. Ведь среди политических лидеров профсоюзов и СДРПШ (от уровня муниципалитетов до высшего руководства партии) были зачастую одни и те же люди, а между двумя ветвями рабочего движения шел постоянный обмен кадрами. Муниципалитеты с их бесчисленными комиссиями и комитетами превратились в место диалога между конфликтующими сторонами, способствуя повышению уровня доверия между сторонами на рынке труда. Так в Швеции возник еще один корпоративистский механизм для обсуждения и принятия решений, на этот раз на микроуровне.

Вторым фактором снижения забастовочного движения стало особое институциональное решение, которое до последнего времени игнорировалось в научных работах, а именно, введение института посредников при разрешении конфликтов на рынке труда [Enflo, Karlsson 2018]. Этот институт был основан государством уже в 1907 г., в разгар забастовочной активности перед Первой мировой войной. Вся страна была разделена на семь регионов, за каждый из которых несли ответственность специально назначаемые посредники. Их прямой функцией было оказание помощи конфликтующим сторонам с целью нахождения компромисса. Допуск посредников к участию в разрешении конфликтов являлся сугубо добровольным со стороны профсоюзов и работодателей. Статистика показывает, что в тех случаях, когда в конфликте принимали участие посредники, вероятность достижения компромисса повышалась на 30%. В отличие от аналогичного института посредников в Испании 1920-х – 1930-х гг., где посредники воспринимались как одна из предвзятых сторон конфликта, в Швеции они смогли завоевать репутацию независимых и объективных арбитров, вызывавших уважение и работодателей, и профсоюзов. Таким образом, дух взаимопонимания и склонность к компромиссам на рынке труда в Швеции, которые ранее лишь констатировались в литературе, не получая должного объяснения истоков этого феномена, предстают теперь как результат долгой и кропотливой работы на микроуровне. Уже до подписания соглашения в Сальтшёбадене не только уровень забастовок резко снизился, но и 80% из числа состоявшихся забастовок закончились компромиссом.

И все же вопрос издержек на труд оставался самым важным для работодателей. Неудивительно, что в машиностроении, которое производило классическую продукцию массового производства, именно работодатели сыграли главную роль при формировании системы коллективных переговоров. В 1930-х гг., когда из-за политической нестабильности международная торговля уменьшилась и протекционизм утвердился повсеместно, шведское машиностроение, ориентированное на экспорт, оказалось в состоянии предложить лишь более низкую заработную плату в сравнении с отраслями, работавшими на внутренний рынок, – пищевой промышленностью и в особенности строительным сектором. Выравнивание заработной платы стало необходимо работодателям машиностроения, чтобы снизить высокий уровень заработной платы на защищенных от мирового рынка

отраслях до уровня, существовавшего в подверженных мировой конкуренции отраслях. Но в 1950-х гг. ситуация изменилась кардинально: теперь машиностроение было вынуждено предлагать более высокую заработную плату вследствие высокой конъюнктуры на мировых рынках и нехватки рабочей силы, а отрасли, работающие на внутренний рынок оказались низкооплачиваемыми. Все это привело к тому, что экономическое давление в пользу выравнивания зарплаты было особенно велико в 1950–1960-х гг., в эпоху “золотого века” общества массового производства. Работодатели машиностроения были крайне заинтересованы в снижении издержек на заработную плату до более низкого уровня, присущего отраслям, защищенным от мирового рынка [Lundquist 2000; Swenson 2002].

Таким образом, не профсоюзы, а работодатели в лице ОРШ стали инициаторами централизации процесса формирования заработной платы и системы коллективных переговоров на национальном уровне. В рамках этой централизации было осуществлено выравнивание разницы в оплате труда наемных работников. Солидарная политика заработной платы, превратившаяся в идеологию шведского профсоюзного движения, стала результатом совпадения интересов ЦОПШ и ОРШ. И те и другие получили свою выгоду. Во-первых, ЦОПШ стало необычайно сильной и централизованной организацией с внутренней сплоченностью ее ассоциированных членов. Подобная сила могла использоваться и применялась на практике при проведении реформ в интересах рабочих [Korpi 1978; Johansson, Magnusson 1998]. Во-вторых, разница в размере заработной платы действительно уменьшилась, что одновременно означало увеличение жизненного уровня низкооплачиваемых групп трудящихся. Общество в целом также выигрывало благодаря низкому уровню инфляции, мирным отношениям на рынке труда и стабильному экономическому росту [Erixon 1997].

Несмотря на то, что рынок труда в Швеции с начала XX в. развивался в направлении централизации и стабилизации системы коллективных переговоров, этот процесс достиг своего пика параллельно с расцветом массового производства в течение послевоенного периода. Разница в оплате труда уменьшалась среди всех отраслей в национальном масштабе параллельно с успехами экономики, что типично для фордистского массового производства. Вплоть до конца 1970-х гг. результаты коллективных переговоров между ЦОПШ и ОРШ были ориентиром для прочих групп наемных работников и частного, и общественного сектора [Lundh 2002]. Шведская модель централизованного переговорного процесса, главным элементом которой стали национальные коллективные переговоры между ЦОПШ и ОРШ, представлена на рисунке.

Государство (социал-демократические правительства)

Рис. Система централизованных коллективных переговоров на рынке труда Швеции, 1950-е – 1970-е гг.

С точки зрения стабильного экономического развития Швеции самым важным было то, что централизация переговорного процесса и формирования заработной платы привели к поддержанию необходимой покупательной способности и стабилизации издержек массового производства. Однако вероятно, что компромисс на рынке труда никогда бы не дал стабильного экономического роста в течение нескольких десятилетий, если бы не реформы в области государства благосостояния, которые дополнили структурные сдвиги в формировании национальной системы заработной платы.

Шведское государство благосостояния как результат элитного компромисса

Исторический парадокс Швеции состоял в том, что, несмотря на формулирование идеологии “народного дома”, в реальности правительства социал-демократов серьезных социальных реформ не проводили вплоть до конца 1940-х – 1950-х гг. [Östberg 1996; Swenson 2002]. В 1930-х гг. упор был сделан на новую экономическую политику: рост бюджетного дефицита для стимулирования спроса, общественные работы и т.д. Новая денежно-кредитная политика, девальвация кроны и помощь государства банкам после краха бизнес-империи И. Крюгера могут быть охарактеризованы скорее как стандартные меры по борьбе с кризисом. Швеция быстро оправилась от последствий Великой депрессии. Социальные реформы как таковые были ограничены введением скромного страхования по безработице в 1934 г. В этом состоял поразительный контраст с “Новым курсом” Ф.Д. Рузвельта. Государство благосостояния в США опережало Швецию и Западную Европу в целом по всем параметрам вплоть до конца 1940-х гг. [Swenson 2002]. Однако затем наступает коренной перелом. В то время как развитие государства благосостояния в США стагнирует, в Швеции, а также в ряде других западноевропейских стран социальные реформы начинают набирать темпы, происходит создание знаменитого шведского универсалистского государства благосостояния [Esping-Andersen 1990]. Потому в публицистической литературе ряда стран (США, Италия, перестроечная Россия) стали впоследствии писать о “шведском социализме”.

Первая крупная реформа состоялась в 1946 г., когда была введена народная пенсия при полной поддержке работодателей. Реформа гарантировала скромный прожиточный минимум всему населению. В последующие годы социальные реформы следуют одна за другой: 1) 1953 г. – вводится всеобщее страхование по болезни с привязкой выплаты больничных к размеру заработной платы наемного работника; 2) 1950-е – 1960-е гг. – проводится активная политика на рынке труда (система переподготовки и переквалификации безработных для повышения эффективности и мобильности рынка труда); 3) 1955 г. – кардинально увеличены выплаты пособий по уходу за ребенком; 4) 1959 г. – пенсионная, самая главная, реформа, гарантировавшая всем наемным работникам высокий уровень пенсий, привязанный к уровню заработка (они составляли примерно 65% от предыдущей заработной платы, включая прежнюю народную пенсию); 5) 1965–1975 гг. – решение жилищного вопроса с запуском миллионной программы массового жилищного строительства; 6) постепенно расширяется сеть детских садов с целью создания возможностей для женщин выхода на рынок труда; 7) усиливается прогрессивная шкала налогообложения: богатые платят больше в процентном соотношении от доходов, а бедные и средний класс в целом – меньше.

Таким образом, государство финансировало социальные реформы, освободив работодателей от необходимости конкурировать между собой за рабочую силу в условиях растущего производства, используя для этого “социальные пакеты” как дополнительный стимул привлечения рабочей силы. Работодатели при тех исторических условиях выиграли от переноса социальных издержек на баланс государства, так как социальные пакеты на уровне отдельных предприятий означали для них прежде всего дополнительные издержки и кон-

курению друг с другом за рабочую силу. Неудивительно, что шведский бизнес и ОРИШ поддерживали реформы. Сложнее обстояла ситуация с оппозицией несоциалистических партий пенсионной реформе 1959 г., где главную роль играл идеологический фактор. Но эти партии, прежде всего консерваторы, отступили, когда стало ясно, что реформы поддерживает ОРИШ [Swenson 2002].

Социальные реформы государства благосостояния заработали в полную меру с большим временным лагом – только в 1970-х гг., когда институты общественного компромисса 1930-х гг. были поставлены под вопрос. Например, право для каждого ребенка на место в детском саду было гарантировано лишь в 1975 г. Возникает закономерный вопрос: выиграли ли избиратели социал-демократов 1930-х гг. при столь длительном временном лаге? В целом ответ будет утвердительным. Фактор Второй мировой войны был важен вплоть до 1945 г. Благодаря правлению социал-демократов градус напряженности в обществе был снижен.

Рост фордистского массового производства на основе автомобилизма и электрификации начинается в Швеции в 1930-е гг., а настоящий прорыв происходит в 1940–1950-е гг. Мир на производстве привел к росту производительности труда на протяжении всего рассматриваемого периода. В итоге в Швеции были созданы предпосылки для экономического роста, от которого выиграли все. Поэтому консенсус между капиталом, социал-демократическим правительством и профсоюзами, который составлял основу элитного компромисса 1930-х гг., оказался выгоден для всех участвовавших сторон. При этом его плоды достались не только элитным группам, но и населению в целом. Компромисс создал условия для экономического роста на основе массового производства. Причем рост ВВП на душу населения в период от 1929 до 1951 г. в Швеции (+2,6%) превысил показатели и Северной Америки (+2,1%), и прочих стран Европы (+0,9%), и соседей – стран Северной Европы (+1,8%) [Schön 2000, р. 335]. Главный вывод здесь состоит в следующем: есть объективные процессы в экономике, а есть – политическая борьба, которая либо устраняет препятствия для развития, либо создает их. В Швеции 1930-х гг. препятствия для роста были устранены. В послевоенное время Швеция превратилась в одну из самых богатых стран мира с высоким уровнем жизни всего населения.

Позднее для теоретического оправдания политики отказа от национализации частных предприятий была создана концепция “функционального социализма”, разработанная видным социал-демократическим теоретиком Г. Адлер-Карлссоном. В соответствии с ней право собственности трактовалось как набор ряда функций. Ограничивая возможности владельцев капитала в использовании все большего количества функций, основанных на праве собственности, то есть обобществляя эти функции, страна получает шанс перехода к функциональному социализму без формальной национализации [Adler-Karlsson 1967]. На практике это было, скорее, оправданием отказа шведской социал-демократии от осуществления программы национализации. Собственно, никакой общественный компромисс был бы невозможен без этого исторического выбора, сделанного лидерами шведской социал-демократии уже в 1920-х – 1930-х гг. вопреки своей исторической традиции и собственной партийной программе.

Важно подчеркнуть: даже при всем стремлении к выравниванию уровня доходов, высокому прогрессивному налогообложению и высокой удельной доли общественного сектора Швеция осталась страной с низкой социальной межпоколенческой мобильностью, включая такие показатели, как образование, профессия и уровень дохода. В этом плане она мало отличается от большинства других современных стран, включая англосаксонские с их большим социальным неравенством. Не случайно историк экономики Г. Кларк свое фундаментальное исследование о социальной мобильности начинает со Швеции. Его результаты неутешительны, но довольно предсказуемы: потомки элиты, существовавшей в XVIII в., продолжают и сегодня составлять привилегированную группу шведского

общества. Если даже Швеция с ее высокой социальной защищенностью и развитым государством благосостояния характеризуется низким качеством “социальных лифтов” и социальный статус продолжает наследоваться от поколения к поколению, это может свидетельствовать скорее об универсальности принципа низкой социальной мобильности. Однако вывод Кларка все же остается оптимистическим: пусть социальная мобильность остается труднодостижимой утопией, но пример Швеции XX в. показывает, что низкая мобильность не является препятствием для создания более справедливого общества с комфортной средой обитания для большинства ее граждан [Clark 2015].

Начиная с середины 1970-х гг. достигнутый элитный компромисс начинает давать трещину. Первыми нарушили правила игры профсоюзы, переоценившие свое влияние и выдвинувшие в 1975–1976 гг. проект создания фондов наемных работников. Если бы он был осуществлен в первоначальном виде, то крупнейшие предприятия страны ждала постепенная социализация в виде перевода растущей части акционерного капитала в специально созданные фонды, которые находились бы под управлением самих профсоюзов. Проект этот был чрезвычайно смелым для развитой капиталистической страны и вызвал резкое неприятие предпринимательского корпуса. В реальности лидеры СДРПШ, включая У. Пальме, не собирались его осуществлять в заявленной форме. Но само его выдвижение было использовано работодателями и властными группировками, стоящими за ними, как предлог для начала пересмотра элитного компромисса, атаки на государство благосостояния, общественный сектор и отношений на рынке труда, включая централизованную систему формирования заработной платы.

Руководство ОРШ было полностью заменено, пережив смену поколений, и именно работодатели стали движущей силой неолиберальной волны в Швеции [Pontusson 1992; Viktorov 2006]. Для пересмотра компромисса имелись объективные обстоятельства в виде ухудшившейся мировой конъюнктуры и кризиса общества массового производства в западных странах. Шведские предприятия — массовые производители больше не могли дать прежний уровень прибыли, хватавшего с избытком и для владельцев капитала, и для поддержания высокого уровня жизни большинства населения. Работодателям было необходимо снизить уровень издержек и, в конечном счете, заставить наемных работников работать больше за меньшее вознаграждение. Неудивительно, что системная власть капитала показала свою силу и работодатели в итоге выиграли эту идеологическую битву.

Начиная с начала 1990-х гг. Швеция переживает постепенный демонтаж достигнутых завоеваний в области государства благосостояния. Высокий уровень жизни уже не гарантирован для большинства населения. Уровень социальных выплат и защищенности неуклонно снижается, происходит фронтальная приватизация общественных услуг, условия труда и уровень реальной заработной платы для многих групп наемных работников неуклонно ухудшаются, увеличилась разница в доходах и возросло социальное расслоение, проведена реформа пенсионной системы согласно неолиберальным рецептам. Это происходит несмотря на довольно высокие темпы экономического роста, который возобновился с конца 1990-х гг. [Ryner 2002; Blomqvist 2004; Korpi, Tåhlin 2011; Roine, Waldenström 2012; Björklund, Jäntti 2013; Magnusson 2013]. Наряду с несоциалистическими партиями активное участие в этом демонтаже приняли сами социал-демократы, несмотря на традиционную социальную риторику. Трансформация шведской политической системы также претерпела значительные изменения. Процедура подготовки и принятия важнейших политических решений сместилась из прежних корпоративистских органов и экспертных комиссий, где она хотя бы в какой-то мере была публичной и соответствовала стандартам парламентской демократии, в узкий круг политиков и их советников. Таким образом, она стала более закрытой, ориентированной на замкнутые элитные группы [Svallfors 2015].

На сегодня Швеция — “обычная” страна Западной Европы, мало отличающаяся по уровню жизни от большинства “старых” членов ЕС. Шведские политики вынуждены сталкивать-

ся со сходными проблемами, включая массовую иммиграцию и интеграцию иммигрантов в шведское общество, ухудшение уровня образования и здравоохранения, общественной инфраструктуры. Однако кризис основных элементов общественного компромисса 1930-х гг. и достаточно негативные результаты, к которым он привел, происходил уже в иную историческую эпоху, когда массовое производство перестало быть основой экономического роста Швеции. Последние поколения шведской политической и предпринимательской элиты распорядились далеко не лучшим образом доставшимся им наследием.

* * *

Завершить статью мне хотелось бы, сформулировав ряд уроков, которые могла бы извлечь Россия из изучения более чем векового опыта элитного компромисса в Швеции. Можно выделить следующие позиции.

1. Формулирование и предложение обществу системного видения будущего может работать, даже если сами реформы осуществляются с большим временным лагом. Важно, чтобы реформаторы сами верили в выдвигаемые ими идеи, а сами эти идеи можно было совместить с интересами других элитных групп.

2. Элитный компромисс и качество элит – важнейшие предпосылки для развития. До тех пор, пока сами элиты не понимают, что они хотят делать с дальнейшим развитием страны, какое место она должна занимать в мировом разделении труда, для чего и каким образом необходимо инвестировать в повышение качества человеческого капитала, достижение успеха в создании государства развития будет затруднительно. Шведская знать, а затем отчасти пришедшая ей на смену олигархическая финансово-промышленная элита на протяжении большей части XIX и XX вв., знали, в каком направлении следовало развивать страну. Они были последовательны в своем выборе, реалистично оценивая имеющиеся возможности. Стратегический выбор, сделанный элитой, который начинается с перехода от общества с ограниченным доступом к обществу открытого доступа, постепенно вовлекает в свою орбиту все большее количество населения, принося в долгосрочной перспективе положительные результаты для всех, не только для самой элиты.

3. Бизнес-ассоциации в России слабы и представляют собой лоббистские структуры, к которым в той или иной степени прислушиваются (или не прислушиваются) власти. С бизнес-ассоциациями, а следовательно, и с самим бизнесом будут считаться только тогда, когда он возьмет на себя реальную экономическую функцию формирования и определения уровня заработной платы. В национальном масштабе России это вряд ли возможно и нужно, но на отраслевом и региональном уровнях – вполне реально. Сильные организации работодателей предполагают возникновение сильных профсоюзных объединений. Таким образом, легитимация организаций бизнеса, их ресурсная база и возможность оказывать реальное влияние на политику тесно связаны с существованием их партнеров – сильных профобъединений. Роль независимых профсоюзов как важной общественной силы при достижении нового общественного компромисса в современной России даже не обсуждается, а это можно считать негативным фактором.

4. Если Россия выберет альтернативу развития экономики через развитие отраслей массового производства, она столкнется примерно с теми же проблемами, что и страны Запада в послевоенное время. Другого исторического выбора у России, похоже, нет. Вряд ли можно считать удачной альтернативу в виде имитации “постиндустриального” общества с разрушенной промышленностью, финансируемого за счет перераспределения государством нефтегазового дохода. Россия находится в подчиненном положении в рамках мирового разделения труда и в мировой финансовой системе, куда ее пригласили на роль “младшего брата” после распада Советского Союза. У российских элит нет доступа к сопоставимым ресурсам, имеющимся у хорошо интегрированных в глобальный контекст

элит развитых стран Запада и Японии. В ходе будущей индустриализации, пройдет ли она в форме госкапитализма или в виде условного “южнокорейского” варианта в виде создания аналогов чеболь, во главу угла будет поставлен вопрос о мире на производстве. Простой производственных мощностей при массовом производстве неприемлем, так как чреват высокими издержками. Будет актуализирован и вопрос о новой модели формирования заработной платы. В совокупности речь идет о вопросах, которые изучает дисциплина *industrial relations* (промышленные отношения) в западной научной традиции.

5. Пример Швеции в очередной раз подтверждает миф о западных обществах как обществах социальной мобильности. Реформы социал-демократов не привели к созданию “общества равных возможностей”, как его не существует и в либеральных англосаксонских странах. Но так ли плохо на самом деле отсутствие “социальных лифтов” для всех? Сын рабочего, дочь учительницы или дети актеров провинциального театра не должны с самого детства мечтать о заведомо недостижимой социальной мобильности, пути наверх в топ-политики или топ-менеджеры крупных корпораций. Отдельные истории невероятных социальных карьер всегда были, есть и будут, но это скорее исключения из правила, обычно опирающиеся на особые дарования индивида, его трудолюбие, а также элемент удачи. Необходимо задуматься о другом типе “социального лифта” для всего общества – поднятии жизненного уровня для всех. Будущие рабочие, врачи и учителя должны быть уверены, что выбранный ими профессиональный путь сможет обеспечить им достойный образ жизни и необходимый для его поддержания уровень дохода на протяжении их карьеры и последующего выхода на пенсию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Так как в использованной литературе нет источников на русском языке см. References.

REFERENCES

- Adler-Karlsson G. (1967) *Funktionssocialism: ett alternativ till kommunism och kapitalism*. Uppsala: Fören. Verdandi.
- Bergström V. (1988) *Socialdemokratin i regeringsställning. Program och ekonomisk politik 1920–1988*. Stockholm: Fackföreningsrörelsens Institut för Ekonomisk Forskning.
- Berkling A. L. (1982) *Från Fram till folkhemmet: Per Albin Hansson som tidningsman och talare*. Solna: Metodica pres.
- Björklund A., Jäntti M. (2013) Country Case Study – Sweden. *The Great Recession and the Distribution of Household Income*. Jenkins St. P., Brandolini A., Micklewright J., Nolan B. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, pp. 153–75.
- Blomqvist P. (2004) ‘The Choice Revolution: Privatization of Swedish Welfare Services in the 1990s’. *Social Policy and Administration*, vol. 38, no. 2, pp. 139–55.
- Clark G. (2015) *The Son Also Rises: Surnames and the History of Social Mobility*. Princeton: Princeton Univ. Press.
- De Geer H. (1992) *Arbetsgivarna. SAF i tio decennier*. Stockholm: Svenska arbetsgivareföreningen.
- Elvander N. (2002) The Labour Market Regimes in the Nordic Countries: A Comparative Analysis. *Scandinavian Political Studies*, vol. 25, no. 2, pp. 117–137.
- Enflo K., Karlsson T. (2018) From Conflict to Compromise: The Importance of Mediation in Swedish work stoppages 1907–1927. *European Review of Economic History* (<https://doi.org/10.1093/ereh/hey023>).
- Enflo K., Karlsson T., Molinder J. (2019) Från Sundsvall till Saltsjöbaden – ett regional perspektiv på den svenska arbetsmarknaden. *Ekonomisk debatt*, vol. 47, no. 6, ss. 5–17.
- Ericson B. (2010) *Den nya överklassen: en bok om Sveriges ekonomiska elit*. Stockholm: Fischer & Co.
- Erixon L. (2000) A Swedish Economic Policy: The Theory, Application and Validity of the Rehn-Meidner Model. *Working Papers in Economics*. Stockholm Univ. Department of Economics, 13.

- Erixon L. (1997) The Golden Age of the Swedish Model. The Coherence between Capital Accumulation and Economic Policy in Sweden in the Early Postwar Period. *Research Papers in Economics. Stockholm Univ. Department of Economics*. 1 WE.
- Erixon L. (ed.) (2003) *Den svenska modellens ekonomiska politik: Rehn-Meidnermodellens bakgrund, tillämpning och relevans i det 21:a århundradet*. Stockholm: Atlas Akademi.
- Esping-Andersen G. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity.
- Gidlund G. (1988) Folkrorelsepartiet och den politiska styrelsen. SAP:s organisationsutveckling. *Socialdemokraternas samhälle. SAP och Sverige under 100 år*. Misgeld K., Molin K., Åmark K. (eds.). Stockholm: Tiden, ss. 282–310.
- Glete J. (1994) *Nätverk i näringslivet: Ägande och industriell omvandling i det mogna industrisamhället 1920–1990*. Stockholm: SNS förlag.
- Gyllenhammar P.G., Palmgren A. (2014) *Oberoende är stark*. Stockholm: Bonnier.
- Hadenius S. (2008) *Modern svensk politisk historia: konflikt och samförstånd*. Stockholm: Hjalmarson & Högberg.
- Hansson G. (1997) *Dogm eller arbetshypotes? Den unge Wigforss och det socialistiska samhällsprojektet*. Stockholm: Brutus Östlings Bokförlag Symposion.
- Hedborg A., Meidner R. (1984) *Folkhemsmodellen*. Stockholm: Rabén & Sjögren.
- Holmlund K. (2013) *Fattigdom, arbete & fostran: välfärd i dåtidens Sverige*. Umeå: Borea.
- Holmqvist M. (2018) *Handels: maktelitens skola*. Stockholm: Atlantis.
- Johansson A.L., Magnusson L. (1998) *LO andra halvsekl*. Stockholm: Atlas.
- Jörberg L. (1961) *Growth and Fluctuations of Swedish Industry 1869–1912. Studies in the Process of Industrialisation*. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- Karleby N. (1926) *Socialismen inför verkligheten. Studier över socialdemokratisk åskådning och nutidspolitik*. Stockholm: Tidens förlag.
- Kjellberg A. (2000) Arbetsgivarstrategier i Sverige under 100 år. *Arbejdsgivere i Norden. En sociologisk analyse af arbejdsgivereorganisering i Norge, Sverige og Danmark*. København: Nordisk Ministerråd.
- Koncentrationsutredningen (1971) *Vem äger Sverige? Fakta om makt och ägande ur koncentrationsutredningens perspektiv* (3:e uppl.). Stockholm: Prisma.
- Korpi W. (1978) *The Working Class in Welfare Capitalism*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Korpi T., Tåhlin M. (2011) Changing Work-Life Inequality in Sweden: Globalization and Other Causes. *Globalized Labour Markets and Social Inequality in Europe: A Comparative Analysis*. Blossfeld Hans-Peter et al. (eds.). Basingstoke: Palgrave Macmillan, pp. 177–208.
- Kragh M. (2014) The “Wigforss Connection”: the Stockholm School vs. Keynes debate revisited. *European Journal of the History of Economic Thought*, vol. 21, no. 4, pp. 635–663.
- Kullenberg A. (2009) *Överklassen i Sverige*. Stockholm: Bokförlaget Atlas AB.
- Larsson S.-E. (1998) *Bertil Ohlin: ekonom och politiker*. Stockholm: Atlantis.
- Lindblom P. (1977) *Ernst Wigforss. Socialistisk idépolitik*. Stockholm: Tidens förlag.
- Lundh Ch. (ed.) (2009) *Lönekostnader och lönebildningens transaktionskostnader. Kollektivavtalssystemets utveckling i Sverige 1906–1956. Nya perspektiv på Saltsjöbadsavtalet*. Stockholm: SNS förlag, ss. 15–41.
- Lundh Ch. (2002) *Spelets regler. Institutioner och lönebildning på den svenska arbetsmarknaden. 1850–2000*. Stockholm: SNS förlag.
- Lundquist T. (2000) *Arbetsgivarpolitik under full sysselsättning. En ekonomisk-historisk studie av Verkstadsföreningen 1946–1983*. Uppsala: Uppsala univ.
- Lönnborg M., Ögren A., Rafferty M. (2009) Banks and Swedish Financial Crises in the 1920s and 1930s. *Business History*, vol. 53, no. 2, pp. 230–248.
- Löw H. (1990) *Hakkorset och Wasakärven: en studie av nationalsocialismen i Sverige 1924–1950*. Gothenburg: Univ. of Gothenburg.
- Magnusson L. (2013) *Håller den svenska modellen?: arbete och välfärd i en globaliserad värld*. Lund: Studentlitteratur.
- Magnusson L. (1999) *Sveriges ekonomiska historia*. Stockholm: Prisma.
- Marklund C. (2009) The Social Laboratory, the Middle Way and the Swedish Model: Three Frames for the Image of Sweden. *Scandinavian Journal of History*, vol. 34, no. 3, pp. 264–285.
- Myrdal A., Myrdal G. (1934) *Kris i befolkningsfrågan*. Stockholm: Bonnier.

- Nycander S. (2002) *Makten över arbetsmarknaden. Ett perspektiv på Sveriges 1900-tal*. Stockholm: SNS förlag.
- Ohlsson P.T. (2007) *100 år av tillväxt: Johan August Gripenstedt och den liberala revolutionen*. Stockholm: Timbro.
- Östberg K. (1996) *Kommunerna och den svenska modellen: socialdemokratin och kommunalpolitiken fram till andra världskriget*. Eslöv: B. Östlings bokförlag Symposion.
- Palmer R. (2001) *Historical Patterns of Globalization. The Growth of Outward Linkages of Swedish Long-Standing Transnational Corporations, 1890–1990s*. Stockholm: Almqvist & Wiksell International.
- Partnoy F. (2009) *The Match King: Ivar Kreuger and the Financial Scandal of the Century*. London: Profile.
- Pontusson J. (1992) *The Limits of Social Democracy. Investment Politics in Sweden*. Ithaca, London: Cornell Univ. Press.
- Roine J., Waldenström D. (2012) On the Role of Capital Gains in Swedish Income Inequality. *Review of Income and Wealth*, vol. 58, no. 3, pp. 569–587.
- Rothstein B. (2011) *The Quality of Government: Corruption, Social Trust, and Inequality in International Perspective*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Rothstein B. (2003). *Sociala fällor och tillitens problem*. Stockholm: SNS förlag.
- Rothstein B. (1998) State Building and Capitalism: The Rise of the Swedish Bureaucracy. *Scandinavian Political Studies*, vol. 21, no. 4, pp. 287–306.
- Ryner M. (2002) *Capitalist Restructuring, Globalisation and the Third Way: Lessons from the Swedish Model*. London: Routledge.
- Schön L. (2000) *En modern svensk ekonomisk historia. Tillväxt och omvandling under två sekel*. Stockholm: SNS.
- Shorter E., Tilly C. (1974) *Strikes in France, 1830–1968*. London: Cambridge Univ. Press.
- Sundell A. (2014) Nepotism and Meritocracy. *Department of Political Science Working Paper Series*, 16. Gothenburg: Univ. of Gothenburg (<https://core.ac.uk/download/pdf/43558817.pdf>).
- Sundell A. (2013) Understanding Informal Payments in the Public Sector: Theory and Evidence from Nineteenth-century Sweden. *Scandinavian Political Studies*, vol. 37, no. 2, pp. 95–122.
- Svallfors S. (2015) Politics as Organised Combat – New Players and New Rules of the Game in Sweden. *New Political Economy*, vol. 21, no. 6, pp. 505–519.
- Swenson P.A. (2002) *Capitalists against Markets. The Making of Labor Markets and Welfare States in the United States and Sweden*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Swenson P.A. (2009) Solidaritet mellan klasserna. Storlockouten och Saltsjöbadsandan. *Nya perspektiv på Saltsjöbadsavtalet*. Lundh, Christer (eds.). Stockholm: SNS förlag, ss. 42–90.
- Tilton T. (1990) *The Political Theory of the Swedish Social Democracy. Through the Welfare State to Socialism*. Oxford: Clarendon Press.
- Viktorov I. (2006) *Fordismens kris och löntagarfonder i Sverige*. Stockholm: Acta Universitatis Stockholmiensis.
- Wetterberg G. (2013) *Wallenberg: ett familjeimperium*. Stockholm: Bonnier.
- Wikander U. (1980) *Kreuger's Match Monopolies, 1925–1930: Case Studies in Market Control through Public Monopolies*. Stockholm: LiberFörlag.